

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Herausgegeben von E. Winter und N. A. Figurovskij. Teil I. Akademie-Verlag, Berlin, 1962, 380 стр., 9 таблиц, 1 карта.

Имя немецкого ученого Даниила Готлиба Мессершмидта прочно вписано в историю науки. По приглашению Петра I он предпринял в 1720—1727 гг. путешествие по Сибири, во время которого собрал богатые коллекции и сделал много наблюдений. Врач по образованию, Мессершмидт, как истинный сын XVIII века, был энциклопедистом. Он коллекционировал образцы местной фауны и флоры, вел археологические раскопки и астрономические измерения, собирал минералы и древние рукописи, записывал все, что мог узнать о жизни сибирских народов, и изучал восточные языки.

Все эти материалы были исключительно интересны для науки XVIII века, еще очень мало знавшей о Сибири. Дневниками Мессершмидта широко пользовались Паллас, Георги, Гмелин, Байер. В основном они привлекали наблюдения Мессершмидта из области естественных наук и в наименьшей мере из области этнографии. Со временем записи Мессершмидта не только не утратили своей ценности, но и приобрели новое значение — значение первоисточника. В XIX—XX вв. изменился этнический состав населения Сибири, исчезли многие древние обычаи, были стерты с лица земли некоторые археологические памятники. Сведения об этих памятниках и обычаях, собранные Мессершмидтом, незаменимы. Неудивительно, что В. В. Радлов поместил в своих «Сибирских древностях» большие извлечения из дневников Мессершмидта.

Но хотя эти архивные материалы в той или иной мере привлекались в научной литературе, это не могло заменить полной публикации дневников и трудов Мессершмидта. Мысль о необходимости такой публикации высказывалась не раз, но осуществляться она начала только в наши дни. В издании Германской Академии наук в Берлине вышла первая часть полного издания материала экспедиции Мессершмидта. Эти материалы печатаются в серии «Источники и исследования по истории Восточной Европы», издаваемой под редакцией известного историка Эдуарда Винтера. Текст дневников Мессершмидта подготовлен Г. Ярошем. В издании принимают участие и советские историки науки во главе с Н. А. Фигуровским. Все издание рассчитано на 10 частей. Первые пять займет дневник путешествия, шестую — латинское сочинение Мессершмидта «*Sibiria perlustrata*» — обзор важнейших результатов экспедиции, седьмую и восьмую части составят отрывки из других работ и комментарии, девятую — научная биография и статьи о вкладе Мессершмидта в отдельные области знания, десятую — указатели, карты, рисунки.

Первая часть, включающая дневник Мессершмидта на пути от Тобольска до Красноярска в 1721—1722 годах (частью совместный с Ф. Таббертом-Страленбергом), дает представление о том, как будет выглядеть все издание. Перед текстом помещен краткий (10 стр.), но очень насыщенный обзор — перечень дневниковых записей; он разбит на разделы, соответствующие отрезкам пути («от Тобольска до Тары», «от Тары до Томска» и т. д.). Пользуясь указателем, читатель легко выберет из дневника нужный материал, как географический, так и тематический. Указатель достаточно подробен: отмечаются не просто этнографические сведения, но и конкретно данные об охоте, народной медицине, украшениях, погребальном обряде. Надо, правда, заметить некоторые пропуски и неточности. Так, в указатель не попали сведения об археологических памятниках, содержащиеся в записях от 22/III и 19/XII 1721 г., а сведения о древних изваяниях (7/IV, 8/V, 27—28/VIII, 16/XII 1721 г., 22/I, 28/II, 11 и 20/VII 1722 г.) отне-

сены к разделу «народные верования». Действительно, в ряде случаев речь идет о современном Мессершмидту почитании древних изваяний, но такие материалы, очевидно, надо отметить и в разделе «Археология», и в разделе «Этнография». Вслед за текстом дневника помещены именной и географический указатели и карта маршрута 1721—1722 г., расчлененного на те же отрезки, что и в перечне дневниковых записей. Все это очень облегчает работу с текстом, занимающим 300 стр. и содержащим самые разнообразные сведения. Нет сомнения в том, что этнографы и археологи найдут здесь много важных материалов.

Мессершмидт изучал быт сибирских татар, калмыков, тунгусов, бурят, ненцев, описывал их одежду, жилища, украшения, обряды, музыкальные инструменты, ремесла, охоту и т. д. Много места уделено народной медицине. Описаны многочисленные наскальные изображения и каменные изваяния, курганы, пещеры и случайные археологические находки.

Чтобы показать значение таких материалов остановимся на одном примере. В Минусинском музее хранится обломок каменной плиты с гравировкой из с. Усть-Есь. М. П. Грязнов установил, что это фрагмент одного из древнейших изображений человека в монументальном первобытном искусстве Сибири — изваяния андроновской, а может быть и более древней афанасьевской эпохи. Плита была разбита на части в XIX веке. Известен очень схематический рисунок этой плиты, изданный в 1785 г. И. П. Фальком. Здесь изваяние показано целым, но есть ли изображения на его утраченной части — на рисунке не видно. М. П. Грязнов думал, что все изображение на плите сводилось только к сохранившейся гравировке — лицу женщины с распущенными волосами¹. В рецензируемом издании мы найдем рисунок того же изваяния, сделанный еще в 1722 г. Рисунок Мессершмидта гораздо ближе к оригиналу, чем изданный Фальком, и, что особенно существенно, здесь показана утраченная часть гравировки — тело, покрытое рядом полос. Если это ребра, то вспоминаются каменные бабы ямного времени в Причерноморье, где на крайне обобщенных фигурах тщательно переданы ребра (Новочеркасск, Белогрудовка). Ямные изваяния примерно синхронны афанасьевским. Следовательно, перед нами факт, заставляющий вновь задуматься о связях ямной и афанасьевской культур. Но не исключено, что гравировкой на плите из Усть-Еси обозначены не ребра, а татуировка. Это не менее любопытно, так как о татуировке эпохи бронзы в Сибири мы ничего не знаем. В записи 18/VIII 1722 г. Мессершмидт рассказывает о поклонении и жертвоприношениях хакасов-белтир у другого изваяния эпохи бронзы — Куртуяж. Это одинаково интересно для археологов и этнографов. Мы остановились только на одной записи дневника, сопровождаемой рисунком. Внимательное изучение источника этнографами и археологами выявит десятки других интересных материалов.

Еще раз отметив образцовую текстологическую работу и удобные указатели, обратимся к предисловию. Не вполне ясно, чем от него будет отличаться биография Мессершмидта в девятой части издания. Предисловие содержит жизнеописание Мессершмидта, краткий обзор его путешествия и историю его научного наследия. Интересны сведения о научной подготовке Мессершмидта в Галле — городе, сыгравшем большую роль в формировании ряда немецких исследователей России XVIII века. Но, хорошо показав связь Мессершмидта с немецкой наукой его времени, авторы предисловия не придали должного значения тому, что направление работ Мессершмидта в Сибири было обусловлено и требованиями русской культуры. Несомненно, что большое внимание Мессершмидта к археологическим находкам стоит в прямой связи с распоряжениями о сборе древностей в Сибири, сделанными Петром I в 1716, 1718 и 1721 гг., после получения коллекций древностей от Гагарина и Демидова². Недаром Мессершмидт столкнулся с известной конкуренцией в своем археологическом коллекционировании: некоторые находчики хотели сами отвезти свои находки в Кунсткамеру или передать их князю Гагарину (записи от 20/VI и 28/VIII 1721 г.).

Мессершмидт был послан в Сибирь «для изыскания... аптекарских вещей: трав, цветов, корения и семян и прочих принадлежащих в лекарственные составы». Подчинен был Мессершмидт Медицинской коллегии. Как не вспомнить здесь об Аптекарском приказе, существовавшем с 1620 г. и организовавшем многочисленные поездки в Сибирь для сбора лекарственных трав. Деятельность таких сборщиков «помясов» как раз очень усилилась в эпоху Петра I³. Не отмечено в «Предисловии» и использование Мессершмидтом карт и рисунков С. У. Ремезова⁴. Эти упреки должны быть адресованы, оче-

¹ М. П. Грязнов, Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами, «Сов. археология», XII, 1950, стр. 134—137.

² А. А. Формозов, Очерки по истории русской археологии, М., 1961, стр. 25—26.

³ См.: В. Н. Скалон, Русские землепроходцы XVII века в Сибири, М., 1951, стр. 69—76.

⁴ См.: А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, М.—Л., 1960, стр. 148—149.

видно, только одному из авторов «Предисловия» — не Е. Винтеру, а Н. А. Фигуровскому. Нельзя не пожалеть и о купюрах в тексте, сделанных русской редакцией и даже не оговоренных.

Сделанные нами замечания не умаляют ценности рецензируемого труда. Главное в нем — публикация важного источника по истории науки. Советские этнографы и археологи будут ждать выхода следующих томов «Материалов путешествия Мессершмидта», тщательно подготовляющихся немецкими историками науки. Вместе с тем хотелось бы пожелать советским ученым с такой же ответственностью подойти к подготовке комментариев к тексту, что отнюдь не легко и требует усилий представителей многих специальностей.

А. Формозов

М. Г. Рабинович. *Археологические материалы в экспозиции краеведческих музеев*, ч. II, М., 1961, 160 стр.

Периодически созываемые конференции краеведческих музеев и в особенности организованная в 1962 г. в Риге Объединенная сессия ученых советов Института этнографии АН СССР, Научно-исследовательского института Музееведения, Института истории АН Латвийской ССР, центральных и краеведческих музеев, посвященные современным задачам этнографии и этнографических музеев, показали, что краеведческие музеи остро нуждаются в методических и практических руководствах в области экспозиции. Одним из сложнейших вопросов является методика насыщения исторических и этнографических отделов музеев конкретным вещевым материалом, без которого экспозиция носит мало доходчивый до зрителя «бумажный» характер.

Рецензируемая книга М. Г. Рабиновича — одна из редких работ, откликающихся на эти насущные вопросы. Она написана очень живо и интересно и базируется на большом опыте автора в области археологии и музейной практики. Книга состоит из введения, четырех глав и 40 таблиц иллюстраций.

Во введении к книге сделан обзор археологических памятников и источников, которые должны быть взяты на учет и изучены местными краеведческими музеями, а также дается ряд конкретных указаний о консервации, реставрации и методах показа археологического материала в музейной экспозиции.

Первая глава рецензируемой работы посвящена поселениям и жилищу периода феодализма. Приведя большой материал по типам планировки сельских и городских селений, усадеб и отдельных жилищ русского населения Европейской части СССР, автор переходит к методике показа этого материала. Он подчеркивает резкое различие, существовавшее в тот период между народным жилищем и жилищем представителей феодальной верхушки, советует подавать этот материал в виде различных реконструкций и делится практическим опытом по макетированию. Узнав, что макетирование может быть успешно выполнено лишь при условии дополнения археологических данных историческими и этнографическими материалами, автор широко привлекает последние, однако в сылочном аппарате не указывает даже основные этнографические работы. Между тем в практической работе краеведа такие как «Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края» (Л., 1926), как сборник «Культура и быт населения центрально-промышленной области» (М., 1929), «Восточнославянский этнографический сборник» (Л., 1956) и др. могут быть полезны не менее чем «История культуры древней Руси», на которую неоднократно ссылается автор. Этот же упрек можно бросить М. Г. Рабиновичу и в разделе, посвященном культовым сооружениям (стр. 32—33), этнографические материалы по которым (опубликованные, например, в работах Л. А. Динцеса) могли бы дополнить любую экспозицию.

Главы II и III рецензируемой книги посвящены характеристике занятий населения и становлению феодальных отношений. Автор показывает, как раскопанный материал с территории русской равнины дает возможность локализовать отдельные славянские племена и на каких предметах материальной культуры ярче всего выявляется племенная специфика.

Рассматривая вопросы становления феодализма, автор подробно останавливается на организации княжеской дружины, усовершенствовании оружия, появлении различных знаков и атрибутов власти, союзе феодалов с церковью, противопоставляет всему этому картину жизни простого народа и показывает, какими археологическими экспонатами можно это проиллюстрировать.

Таким образом, содержание работы подразделяется на три основных момента: 1) изложение содержания темы (в данном случае — основных вопросов истории материальной культуры, занятий населения и проблем феодализма на Руси) и, следовательно, содержания экспозиции; 2) характеристика (описание, перечень) имеющихся в распоряжении археолога (краеведа) предметов и 3) способы показа этих предметов. Все эти моменты нашли свое отражение в книге, но недостаточно четко и последовательно. Особенно это чувствуется в тех разделах I и IV глав, где автор, перейдя уже к вопросам показа, неоднократно возвращается как к самой тематике, так и к наличному археологическому материалу. Так, например, на стр. 27—28, 32—33 неоднократно говорит-